

Виталий Скворец

СОЮЗ-АФГАН

Детективная повесть

Виталий Геннадьевич Скворец
Союз-Афган
Серия «Детектив-экшин»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=21167060
Союз-Афган: Горизонт; Москва; 2016
ISBN 978-5-9907702-7-0

Аннотация

Два офицера «афганца», воспользовавшись выводом советских войск из Афганистана, переправили в Ташкент 20 килограммов «ханки»(опиум-сырца) и попытались его сбыть наркодилерам того времени....

Содержание

«Духи»	6
Бой + смерть.	11
Отряд десантников = отряду «духов»	13
Гибель снайпера	18
Финал боя	21
Страна	24
Слава	29
Саша	35
Таня	40
Николай Ребко	44
Егор	50
Слава	52
Таня	55
Егор Строев	57
Саша + Таня	61
Ранение Егора	66
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Виталий Скворец

Союз-Афган

25 декабря 1979 года, началась Советско-Афганская война. Она длилась девять лет, один месяц и восемнадцать дней и закончилась 15 февраля 1989 года. По официальным данным, число погибших в «Афганской войне» солдат и офицеров советской армии – 13 835 человек.

БЕЗВОЗВРАТНЫЕ ПОТЕРИ СОВЕТСКОГО СОЮЗА В АФГАНСКОЙ ВОЙНЕ

1979 год	- 86 человек
1980 год	- 1484 человека
1981 год	- 1298 человек
1982 год	- 1948 человек
1983 год	- 1446 человек
1984 год	- 2346 человек
1985 год	- 1868 человек
1986 год	- 1333 человека
1987 год	- 1215 человек
1988 год	- 759 человек
1989 год	- 53 человека

Однако, здесь небыли учтены потери пограничных войск и спецподразделений КГБ. Если же мы учтём и этих погибших, то цифра потерь вырастет до 15 031 человека. Кроме

того, в безвозвратные потери не вошли тяжело раненные и больные, которые погибли, находясь на излечении в госпиталях Советского союза. И таковых было не мало. Однако объективная картина, была настолько «нелицеприятна» и настолько портила статистику, что о ней предпочитали не говорить. Только в 1999 году появились цифры, которые окончательно подвели итог потерь Советского Союза в этой войне. Более 25000 тысяч человек, погибших при ведении боевых действий и умерших от ран и болезней.

*Бушуют в кельях, мечетях и церквах,
Надежда в рай войти и перед адом страх.
Лишь у того в душе, кто понял тайну мира,
Сок этих сорных трав весь высох и зачах.*

© Омар Хайям

«Духи»

Отряд душманов (душ манн – на языке фарси, «враг мой») – более двухсот подготовленных бойцов – «моджахедов», передислоцировалась с подготовительной базы в горах у границы с Пакистаном. Они получили задание – совершить налёт на колонну советских войск, и полкового госпиталя, выходящую с территории Афганистана...

Им очень хотелось «раздолбать» неверных «шурави» (советских) и, напоследок, обогреть кровью агрессоров святую

землю своей страны. Почти половина из более чем двухсот головорезов, были наёмниками-арабами, которые были даны под командование полевому командиру, афганцу по имени Алихан-заде. Ещё, к нему в группу примкнули более двух десятков пуштунов из какого-то племени.

Всего 232 бойца. Из «белых» – двое неверных.

Спортивного вида, кинооператор, лет тридцати пяти, который должен был заснять кадры кинохроники о победе моджахедов. И «советник» – тренированный, седоватый, сорокалетний военный специалист, который в течение месяца пытался сделать из почти полутора сотен басмачей (бандитов) полевого командира Алихан-заде, настоящих воинов ислама.

Он заботливо учил «борцов за веру», ставить мины и стрелять из гранатомётов, а также оказывать «первую помощь» при ранениях.

Оба белых специалиста из ЦРУ, были «неверными». Но это не мешало Алихану, «водить с ними» дружбу.

...Маскироваться на местности, грабить и резать людей басмачи уже и так умели.

(...Уже учёные они были, всяким пакостям...)

За красивые кадры горячей советской техники, на фоне отрезанных голов воинов «шурави», американский «советник» – тоже «кафир» – нечестивец, обещал и денег и оружие.

Моджахеды, прекрасно знали и место, выбранное для за-сады, и состав выходящей колонны. Шансов, чтобы выжить, у советских воинов, были не велики. Если только в их планы не ворвётся какая-нибудь СЛУЧАЙНОСТЬ. Хотя, какая там, к шайтану, случайность. Они «до зубов» вооружены и отлично подготовлены! Они знают маршрут и уже идут с опережением графика.

Всё на их стороне, и Аллах с ними!

Смерть неверным!

Они стоят под зелёным знаменем ислама! Они воины священной войны – «джихада».

Они умирают с именем пророка на губах...

Они живут войной, работают, получают деньги и славу на этой войне.

Они веками воюющие афганцы, не проигравшие ни одной

войны, которая велась на их территории.

Мир в Афганистане наступал только между войнами.

Аллах Акбар!

...Командир отряда Алихан-заде, тщательно выбирал путь, стараясь выйти на позицию удара скрытно. У него были ещё сутки. Ещё одни сутки! И он прославит себя на весь Афганистан! Он станет богатым и влиятельным!..

Сейчас, последний привал и сон. А до вечера следующего дня, они выйдут к дороге, по которой будет двигаться колонна уходящих из Афганистана советских войск. Им должно хватить времени, чтобы заминировать дорогу и прилегающие к ним места. Место для засады выбрано с таким расчётом, что шансы у русских, чтобы выжить – невелики. Они атакуют к ночи, чтобы лишить «шурави» преимущества в авиации. В крайнем случае, для вертолётов поддержки русских – у них есть пара «стингеров» (переносные системы, класса земля-воздух)...

Они шли уже вторые сутки. Шли уверенно, вооружённые гранатомётами, и ненавистью.

Алихан-заде уже собирался давать команду об устройстве на ночлег. Кинооператор и «советник» подошли к нему, чтобы посоветоваться с выбором места для своей палатки. Моджахеды развьючивали мулов и ослов, готовясь ко сну. Наёмники – арабы, отложив оружие, уже доставали молитвенные коврики, готовясь к вечернему намазу...

Вечерело.

Вот тут и раздались первые автоматные очереди...
«Духи» нарвались на десантников внезапно.

Бой + смерть.

МОДЖАХЕДЫ.

(«Духи» шли по горам, никого и ничего не боясь. Кто осмелится тронуть такую грозную, беспощадную силу?! Они «до зубов» вооружены гранатомётами и ненавистью.)...

Так, за свою самоуверенность, и поплатился авангард из двух душманов посланных вперёд, на разведку. Их бесшумно «сняли» ножами выставленные в «секрет» двое десантников. «Духи» даже не успели понять, что их убили. Ни крика, ни стона...

Командир моджахедов, видя приближающиеся сумерки, уже отдал приказ о подготовке к отдыху и ночлегу, когда был атакован автоматным огнём. Идущие впереди него пятеро воинов, в секунды были срезаны очередями. Алихан-заде, сразу упал на землю и вытащил из поясной кобуры свой «Магнум».

Огляделся.

Около него лежал труп «советника», который получил две пули в грудь. Рядом с Алиханом, притаившись за большим валуном, лежал перепуганный кинооператор. Вид лица его говорил, что не хочется ему заниматься киносъёмкой...

...За несколько первых секунд боя, пока не отошли от шока неожиданной атаки десантников, моджахеды потеряли четверть личного состава. Потом, раздались взрывы гранат, которыми закидали их десантники. «Кафир» – кинооператор, тоже был убит пулей снайпера. Алихан-заде был ранен в руку. И его уже видел в прицел своей винтовки десантник снайпер.

...(Вот и угадай здесь «шансы на выживание»)...

...Но отряд моджахедов, был собран из опытных бойцов и они, не поддавшись панике, рассредоточились на местности и дугой стали охватывать стрелявших, прижимая их к крутой пропасти. Около двух десятков «душманов» и наёмников-арабов зашли во фланг десантной группе и заняли позицию, которая отрезала нашим ребятам единственный путь отхода.

...Единственный путь отхода – к чахлой рощице, за которой были спасительные горы...

Моджахеды заняли приоритетную позицию на скалах и «положили бы всех», кто попытался бы уйти. Десантники оказались в окружении. Их стали прижимать к крутому обрыву, на дне которого текла стремительно-мелководная речка...

...Против десантников «заговорили» гранатомёты...

И тут, ГРЯНУЛ ВЗРЫВ...

Отряд десантников = отряду «духов»

ИЛИ, 12= 232

Поначалу, всё было до будничности, похоже. Отряд Десантно-Штурмового Батальона (ДШБ), под командованием Николая Ребко, высадился с вертолёта высоко в горах.

Проделав четырёх часовой марш-бросок, десантники оказались на высокогорной тропе, по которой должен был проследовать караван с оружием или наркотиками. Ребята оборудовали позиции на едва заметной глазу, горной тропе и стали ждать подхода врагов. Радист связался с комбатом, который переживая за ребят, сам находился у радиии.

Старший лейтенант Ребко, по радио, доложил о прибытии на место и готовности группы к перехвату каравана...

Никто не знал точно, сколько продлится ожидание.

Может пару часов, а может и более суток. Бойцы знали только, что по данным разведки, замечено движение каравана.

...Как обычно, мулы, ослы и охрана...

Надвигались вечерние сумерки. Зная, что ночью караван не пойдёт по горам, Николай собирался выставить посты и дать команду об устройстве на ночлег.

Вот тут и доложили ему, что караван подошел к ним вплотную. Кроме того, он узнал, что двое моджахедов, разведчиков арьергарда зарезаны бойцами, выставленными в «секрет», на горной тропе. Иначе нельзя было. «Духи» сами наткнулись на свою смерть. По докладу сержанта, следовало, что караван очень большой. Моджахедов – «...штук двести сабель будет...».

Командир десантников понял, что до начала боя, счёт пошел на минуты. Это как раз то время, пока душманы, обнаружат гибель своей разведки. Десантники из его группы, уже заняли свои боевые позиции. Снайпер занимал главенствующую высоту на местности так, чтобы мог бить врага сверху, доставая их за скалами.

Единственно, что было плохо, позиция его находилась, практически рядом с караваном, устраивающимся на ночлег. Она была на небольшом скальном выступе, почти над головами, у располагавшихся на ночлег, душманов.

... – Так, – сказал командир сержанту и ещё шести десанникам, стоящим рядом, – атаковать нужно немедленно.

Необходимо, чтобы «духи», прошли по тропинке, и «нарвались» на засаду. Атакуем их первыми и если не продавим их, то отойдём на заранее подготовленные позиции. Гранаты – «к бою». Радиста с рацией и «лекаря» – в тыл. Остальные – примкнуть штыки и за мной...

(«...За Родину!.. За Сталина!..»)

...Командир, сержант и ещё шестеро бойцов, подхватили автоматы, и пошли в сторону моджахедов. Через минуту командир группы, старший лейтенант Николай Ребко, сержант, ждавший со дня на день отправки «на дембель», шестеро бойцов группы и двое, стоявших в «секрете», при поддержке снайпера, атаковали врага. В тылу у них, остался радист с рацией и боец-санинструктор с аптечкой.

...В первую минуту боя, атаковавшие караван десантники, «положили» около трёх десятков врагов. Может и больше, но три десятка – точно...

...Мощная атака из девяти «Калашей» и снайперской винтовки посеяла панику среди некоторой части душманов. Ко всему вдобавок, неразбериху усилили два десятка выючных животных. Они резво рванули прочь от ужасов войны по горной тропе...

Однако, часть моджахедов рассредоточилась в окружающих скалах, выгодно используя скалистый ландшафт местности и открыла ответный огонь. Через несколько минут боя душманы уже полностью оправились. Застрочили их ручные пулемёты. В десантников полетели гранаты. Были расчехле-

ны гранатомёты. Моджахеды оттеснили десантников, которые тоже несли потери и стали охватывать их «дугой». Часть «духов» перебралась по скалам на позиции, которые отрезали единственно-возможный путь к отступлению десантников. К небольшой рощице, за которой виднелись спасительные горы.

И тут, раздался СТРАШНЫЙ ВЗРЫВ...

С окрестных скал посыпались камни.

Это взорвались мины, аккуратно сложенные в одном месте.

Гибель снайпера

...Молодой воин-снайпер, простой парнишка из Сибири, увидел в прицел снайперской винтовки кучу из мин, которые были снесены моджахедами в одно место. Все, и противотанковые и пехотные. Их было около сорока штук, и лежали они в хурджунах (перемётных сумках из ткани или кожи). Прикинув «на глаз» расстояние от своей позиции до импровизированного склада мин, он решил попробовать взорвать его гранатой.

У него оставалось их всего две.

Первая, не долетев метра три, взорвалась рядом с минами и ранила моджахеда. Вторая – кинутая «со всей мочушки», долетела...

...Взрыв был ужасен...

...Так, взорвались те самые мины, на которых должны были подрываться советские солдаты, грузовики, танки и БМП (Боевые Машины Пехоты)...

На минуту, взрывом были деморализованы и моджахеды и десантники. Но вскоре бой продолжился. По сидящему на скале снайперу, который был неуязвим на своей позиции для пуль, выпустили три гранаты из гранатомёта.

Первая граната, разорвалась несколько ниже позиции. Никакого урона бойцу-снайперу, не нанесла. Вторая граната взорвалась выше позиции. Она, оглушила и осыпала снайпера камнями. Третий выстрел был удачен. Граната разорвалась рядом с десантником и хоть и не убила его, но взрывная волна выкинула солдата с позиции и он, кувыркаясь, полетел вниз, по каменной «сыпучке». Прямо к моджахедам...

Здоровый бородатый «дух» подобрался к месту падения снайпера. «Воин ислама» увидел, что русский парень ещё

жив. Он тяжело, прерывисто дышал и со рта его – вытекала кровь. Руки и ноги его были переломаны. Позвоночник тоже...

Но глаза его смотрели со жгучей ненавистью на приближающегося моджахеда.

...Тот отвечал таким же ненавидящим взглядом...

Моджахед вытащил из ножен кривой нож и, не отрывая своего взгляда от голубых глаз десантника, стал отрезать ему голову...

Финал боя

– «Опорный», веду бой с «духами», более двух сот сабель. Не караван. Не караван. Вооружённая группа. Как понял меня, «Опорный?». Приём. – Кричал по рации командир группы, старший лейтенант, уже понимая, что они вряд ли выберутся сами.

– Понял тебя «Малахит», – ответила рация голосом комбата. – Нет возможности поддержать тебя. Пока летуны подлетят, уже темно станет. Уходите в горы. Приём.

Комбат был, опытным командиром, имеющим опыт ведения боевых действий в горах. Он знал, что при правильно выбранной позиции, один боец в условиях горной местности может противостоять сотне врагов. Но он также знал, что более чем десятикратное превосходство сил врага, в любых условиях, почти гарантируют врагу победу.

...Соотношение сил оставляло лишь призрачные шансы десантников на успех...

... – Тебя понял, «Опорный» – прокричал Коля в гарнитуру рации, прекрасно понимая, что это конец. Душманы уже окружили их группу и с каждой минутой сжимали кольцо окружения, прижимая десантников к краю пропасти. От группы осталось три израненных бойца, он четвёртый. Боеприпасы подходили к концу...

...Более сотни «духов» уже отдали Аллаху души. Может

и больше, но сотня точно!..

... – Прощайте, ребята, если в чём виноваты – простите, – крикнул командир в гарнитуру радиации и тут, рядом с ним взорвалась граната, выпущенная из гранатомёта. Она убила радиста, разбив радиацию и ранив командира десантников в обе ноги и раскровила лоб...

«– Ну, вот и всё». – Думал командир десантник, истекая кровью, лёжа на спине, за невысокой скалой. Совсем рядом, со всех сторон разом к нему приближались, искавшие его, «духи». Последний автомат его бойца замолчал пару минут назад. Николай, в последний раз, смотрел на чужое для него небо, в котором робко появлялись первые звездочки – предвестники наступающей ночи и думал, что совсем скоро встретится с другом, погибшим менее суток назад. На душу горой навалилась вселенская тоска. Молодому, двадцати пяти летнему лейтенанту, не хотелось умирать...

Он, в наступающих сумерках, видел уже бородатые рожи, подкрадывающихся к нему, врагов. Они что-то быстро говорили друг другу. Ещё секунда-другая и они обнаружат его. Последний оставшийся в живых десантник, поочерёдно выдернул зубами предохранительные кольца из гранат «лимонки». Жить ему осталось несколько секунд. Он быстро слабел от потери крови.

Вдруг, командир улыбнулся. Страшной улыбкой залитого кровью лица. В этот миг он подумал, что душманы не смогут глумиться над его телом, мстя за смерть товарищей. Не

много от него останется после взрыва гранат...

За подвиг старшему лейтенанту Николаю Ребко было присвоено очередное звание – капитана, и он посмертно награждён орденом Боевого красного знамени.

Кто-то «наверху» посчитал, что до звания «Героя», он «не дотягивает»...

Награду даже некому было вручить. И её в торжественной обстановке, перед строем получил пожилой комбат. Николаю не поставили памятника и не нашли после боя тела, разорванного гранатами и засыпанного скалой.

Коля был совсем один на этом свете...

А на том свете у него был друг.

Страна

Вот и наступил 1988 год. В стране развитого социализма, ударными темпами завершали очередную двенадцатую пятилетку. Советское государство решало насущные проблемы – проблемы экономики и внешней политики...

Чётко и неторопливо, работает неимоверно «раздутый»

бюрократический аппарат.

Народные гуляния в честь «Великого Октября» и «Нового Года».

Ежегодный Парад Победы и годовщины Великой Октябрьской революции, на Красной Площади!

Осваиваем Космос! Орошаем пустыни! Даём миллионы тонн угля и хлопка!

Рубль сильнее доллара и ходит от Вьетнама, до Кубы...

Официально не признаются проблемы с наркоманией и проституцией. Нет проблемы сексуальных меньшинств. Нет организованной преступности...

Есть Власть Советов...

Есть война в

Афганистане...

...Пятнадцатого мая

1988 года, исполняя

Женевские договорённости, Политбюро Советского Союза, приняло решение о начале вывода ограниченного контингента Советских войск из Афганистана. Тысячи военнослужащих, в основе своей молодых ребят, получили возможность живыми и здоровыми вернуться домой. Судьбы их предшественников, «воинов-интернационалистов», уже были поломаны в угоду имперских амбиций самого большого государства в мире. Жизни и судьбы десятков тысяч молодых парней, стали разменной монетой в крупной геополитической игре того времени....

Вместе с советскими войсками начали уходить приверженцы коммунистической партии Афганистана, возглавляемой Бабраком Кармалем, верным последователем идей марксизма-ленинизма, правоверным мусульманином. Десятки тысяч афганцев пересекали «железный занавес», надеясь на защиту своих жизней и лучшую долю. Они несли с собой другую культуру и зачатки ортодоксального исламизма. Тоннами переправляли гашиш и опиум-сырец. В советской стране, где рост наркомании получил громадный толчок в развитии после идиотской, огульной борьбы с алкоголизмом, намечался её новый рост.

От нескончаемой «гонки вооружений» лихорадило хрупкий мир. Противостояние Социалистического и Капитали-

стического образа жизни достигло своего апогея. «Холодная война» длившаяся десятки лет – продолжалась.

До развала СССР оставалось ещё три года.

А сейчас, в стране начало появляться всё больше боевого, огнестрельного оружия и наркотиков...

Слава

Сегодня Славке особенно тяжело. Уже более двух суток он не мог достать «дозу». Болело тело, болела душа. Вчера укололся припасённой ампулой «димедрола». Кайфа не было, но «ломка» вроде-бы прекратилась. Он забылся тяжёлым сном. Сегодня проснулся в болезненном состоянии. Временами ему хотелось сдохнуть. Не УМЕРЕТЬ, А СДОХНУТЬ. Он думал о «дозе», хотел только «дозу», мечтал лишь о «дозе». Мечтал о наркотике, как мечтали о хлебе в блокадном Ленинграде. Ему хотелось уколиться, как хочется воды умирающему от жажды в песках. А ведь всё могло бы решиться за какие-то тридцать рублей!..

– Тварь, падла, барыга несчастный, не даёт в долг. Принцип у него, видишь ли, такой. А мне что? Из-за его принципов подыхать?! Ведь сам посадил «на иглу» – и жгучая ненависть разливается по всему его телу, на время, отодвигая страдания от «ломки». Славик сотый раз с надеждой окидывает взглядом опустевшие комнаты родительской трёхкомнатной квартиры в центре Ташкента, окна которой были зашторены плотными занавесками. Она до пугающей дикости пуста. Всё, что можно было продать – продано. Продано или отдано за долги. Всё, что хотел, забрал барыга-Сашок. Половину квартиры, сам лично вынес. Нечего продать.

Не на что купить наркотик...

Славик метался на грязных простынях и лихорадочно перебирал средства, для получения денег. Таковых не было. Привычка жить за счёт продажи или обмена вещей из квартиры, довела его до полного паразитизма. Он настолько привык к деньгам, которые приносила ему от реализации его вещей Татьяна, настолько утерял связь с окружающим миром, что ему даже занять не у кого. Только если бессердечный барыга – Санек, наконец, сойдёт с ума, и даст ему в долг. Хотя ему он и так уже должен.

... – А всё Сашка виноват. Ведь он-то, гадёныш, на иглу подсадил! – сказал себе Славка, словно оправдывая своё безволие...

Когда всё это началось? Вроде не так давно. Вот когда он пристрастился к «ширеву», когда до Славочки дошло, что без этого нет больше жизни, тут точный срок не установишь. А как начиналось, отлично помнит...

Почему-то, что было давно, помнится гораздо лучше, чем события ближайших дней. Всю память наркомана, сожрали, бесчисленной чередой проходящие через его исколотые иглой шприца вены, граммы ханки и ампулы с классической (медицинской) «дозой».

...Он вспомнил, как познакомился с Татьяной и через некоторое время был допущен в «избранный круг». Она привела его к милому, обаятельному, накаченному, уверенному в себе Саньку. У него в квартире они выпили шампанского. Потом гостеприимный хозяин с невинной улыбкой предло-

жил не по-детски оторваться. Это с энтузиазмом – восторженно было встречено Татьяной. Славик, чтобы не выглядеть в глазах нравившейся ему девушки «маменькиным сыночком», под влиянием уже выпитого шампанского, смело оголил руку и не вздрогнул, когда игла вошла в руку...

Вот тут то и «понял» Славик, в чём смысл жизни.

С наркотиком, в него вошла не укротимая энергия. Он понял смысл жизни! В голове роились гениальные мысли, сути которых он не мог уловить. Санёк рассмешил каким-то анекдотом и дал понять, что он очень-очень нравится Тане. Если бы тогда он, знал, к чему это приведёт, то загрыз бы Санька, да и Танюшу сразу.

Прямо там, в тот же миг!..

А тогда...

...Наши влюблённые попрощались с хозяином квартиры Саньком, и перешли на квартиру к Славе. Благо идти было не далеко...

Это была лучшая ночь в Славкиной жизни. Того, что Таня вытворяла в постели, он, В ЖИЗНИ НЕ ВИДЫВАЛ...

...Влюблённые наркоманы зажили как в сказке. У Тани денег почти никогда не было. Ну, ничего! Молодым хватало денег, присылаемых родителями Славки...

Они, родители, ударными темпами, самоотверженно, возводили гидроэлектростанцию, в какой-то дружественной Советскому Союзу африканской стране. Приехали на «Новый год», с кучей подарков. Узнали, что у их чада-студента все хорошо и даже не познакомившись с Танюшей, у которой в это самое время, почему-то не было возможности появиться, улетели в отпуск. Обещали сыну, сдать объект досрочно – где-то через, полтора – два года и тогда, уже материально обеспеченные, посвятят ребёнку – Славику весь остаток жизни. Чадолюбивые родители, оставили денег на Славкино «житьё – бытьё» (читай на безбедное существование). Напоследок, «пожурив» дитяtko, за слабые показатели в институте, где ему оставалось учиться чуть больше года и, за мягко говоря, неэкономный образ жизни, укатали...

УКАТИЛИ!.. В свои заграничные заграницы, зарабатывать валюту.

Славка кололся уже третий месяц. Но родители, забывшие сына, ничего не заметили.

...А нарко – загулы, то в Сашкиной «хате», то в квартире его родителей, где он жил, периодически повторялись. Тогда, хитрый барыга, с охотой давал в долг и не торопил с отдачей, милостиво дожидаясь со Славиком очередного родительского перевода денег. Потом, Санёк стал «милостиво» забирать за долги ковры и аппаратуру. Таня, которая требовала «на жизнь» всё больше денег, тоже помогала с распродажей вещей и хрусталя.

Танюша быстро объяснила ему, что они не из рабочих или крестьян, а элита, принадлежащая определённому кругу. Студенту-Славику очень понравилось, что его тоже причисляют к этому кругу. Хотя какой он, этот круг и кто его очертил, он пока ещё не знал. Только гораздо позже, когда он уже «плотно» сидел «на игле», понял, что Танюха постоянно «вербует» ему подобных дурачков.

Нет, таких придурковатых дурачков как он, ещё найти надо...

Саша

Санёк-барыга тем временем, «заправившись» с утра душистым чаем и не менее душистым «косячком» анаши, благоденствовал под, мягко говоря, не приветствуемый партией коммунистов «тяжёлый рок». Он поставил кассету в видеомагнитофон и смотрел импортные клипы по импортному, «джяпоновскому» телеку фирмы «Сони». Запись концерта Оззи Осборна...

«Музон» был ударно – «забойный», и весело «колотил», в «раскумаренную» (одурманенную) наркотиком, черепушку Санька.

...Он с удовольствием вспоминал, как вчера, расправился с этим хануриком – Славой. Как, размахнувшись двинул в челюсть кулаком и у того потекла тоненькая струйка крови по подбородку. Санёк горделиво усмехнулся, когда вспомнил ошарашенный вид Славика. Тогда он быстро схватил его за шиворот, развернул, открыл свободной рукой дверь и сильным пинком, под зад, вышвырнул его на лестничную площадку первого этажа...

... – И ЗАПОМНИ ТЫ-Ы – рывкнул барыга, – если завтра долг не принесёшь, включу «счётчик», загрузишься у меня, – по полной. «Хату» свою отдашь!

– «Так и надо таких «торчков», на место ставить», – думал Санёк. Он довольным взглядом окинул свою комнату. О

таких говорят «дом – полная чаша». «Крыша» у него была ментовская, бояться было нечего и некого. Жизнь удалась!

А на всяких торчков – Славиков, ему наплевать. Не он первый и не он последний, кто отдал всё за дозу наркоты.

Тут надо пояснить:

...Санёк, не смотря на свою накачанную фигуру, обладал характером жадным и трусливым. Он не мог бы подраться в честной драчке. Боялся. Но никогда не упускал шанса, безнаказанно поиздеваться или унижить «ближнего». Бывало, что делал это он просто так.

Чтобы самоутвердиться.

Санёк плотно держит Танюшу, на не видимой нарко привязи. Она наркозависимая. Сидит «на игле», около года. Он тоже, «сидит» на «кайфе». Но не «ширятся» (колется). Барыжничают и употребляет. Но, «в меру». Только курит. Иногда, заваривает чай из «кукнара» (головок опиумного мака). Заставляет свою бывшую любовницу Танюшу, приводить

новых клиентов. Всякая шантрапа, от «станка» или «сохи», ему не нужна. Нужны «мажорные» придурки и богатенькие «мамсики». Те, у кого есть, чем поживиться. Схема вербовки проста, как мир и отработана до совершенства. Необходим только «мажорный лошок» с деньгами. Самодовольный, самовлюблённый и слабовольный. А там, дело техники. Танюха, заманивает таких дурачков и, исправно получает свою долю от барыги Санька. И сама, «дураком не сидит». Имеет свою «доляну».

Проблем с законом, у него не бывает. Менты, получающие свою «законную» доляну не только не трогают Санька, но и сами «затаривают его наркотой». В основном, анашой.

...Районный участковый, товарищ Соматов, – хороший человек... Помогает. Иногда закрывают по его «наводке» одного – другого наркомана. Санёк не любит «стучать», но тут уж ничего не поделаешь...

Не мы такие – такова жизнь...

Санёк, любит рассматривать контрабандные журналы, с лакированных страниц которых льётся безмятежно-свободная, лениво-богатая жизнь. Она манит его сытой свободой и достатком.

Манит, фешенебельными яхтами и «Кадиллаками».

Огнями реклам и дорогими сигарами.

Роскошными, ухоженными женщинами.

Манит...

Вот такой он и есть. Крепко-накачанный, среднего ро-

ста, средне-хитрого ума, темноволосый парнишка Сашка. Он уверен в себе и в своём безоблачном будущем. И почему то, не любит никого.

Кроме самого себя, обожаемого.

Таня

Танюша рано поняла в своей жизни, какие страсти-механизмы управляют окружающим миром. Она с удовольствием пользовалась своей красиво-эффектной внешностью, для достижения своих целей. Татьяна, была умна и предприимчива, симпатична и стройна, проститутка и наркоманка. Зарабатывала «бабки» легко и быстро. Тратила также. Очень любит разные «тусовки» и парней. Парней любит за деньги, «тусовки» – за то, что они есть. Считает, что вся жизнь – игра, а мы – актёры. Девиз по жизни – «Да пошли ВЫ все!»...

Папа с мамой – богема. Вольных взглядов. Считают, что Танечка имеет право не ночевать иногда дома. Не задают лишних вопросов. Вообще не задают почти никаких вопросов. И даже редко видятся с дочерью в связи с «плотным графиком гастролей». Истово верят, что Танюшка «хорошая девочка».

...Жить хорошо – это кредо! Получится жить лучше – ещё лучше! Но при этом не напрягаться. Жизнь коротка, и прожить её надо так, чтобы и за «кордоном побывать» и на иномарках покататься. Бери от жизни всё и особо не сомне-

вайся. Всё хорошо, что тебе хорошо. Что не нравится – плохо. Вот и вся жизненная установка Тани. Ни пионерская, ни комсомольская организации не смогли ей внушить идеи светлого образа строителя коммунизма. Чихать она хотела на обострение международной обстановки. Не интересуют голодающие в Африке. Плевать на экологию и Чернобыль...

Интересуют «закордонные» тряпки и журналы с рекламой фешенебельной жизни. Ещё очень интересуется наркота. До каждодневности – часто. Поэтому она с удовольствием вербует «лошков» в наркопаучьи сети Санька. Понравится клиент – переспит, не понравится – тоже. Главное не напрягаться, а расслабиться и получить удовольствие...

А жизнь идёт. Ей уже двадцать четыре года. И хотя выглядит она на «все девятнадцать», жизнь проходит. Неумолимое течение времени...

А рядом, «за кордоном» (границей), совсем другая жизнь. Видеокассеты, с «западными» фильмами, ходят «по рукам», осуществляя «прорыв западной идеологии в сознание советского гражданина».

...А любовь?

Не знала она, что такое любовь. Была в её жизни только зависимость. Зависимость от барыги-Санька. Точнее от наркотиков, которыми он торговал...

Вот такая она, весёло-озорная, холодно-расчётливая, наркозависимая, девчушка Таня. Которая ОБЯЗАТЕЛЬНО, ещё не раз встретится нам в повествовании, прежде чем случит-

ся...

Но об этом позже...

Николай Ребко

Окончив Чирчикское военно-десантное училище и получив звание лейтенанта, Николай Ребко остался служить при нём в качестве инструктора по стрельбе и рукопашному бою. Высокий, крепко скроенный Николай, казалось, как нельзя лучше подходил для десантных войск. Почти четыре года он обучал десантников правилам ведения боевых действий в условиях горной местности. Крошил кирпичи ребром ладони. Учил бесшумно снимать часовых. Метко стрелять и резать врага сапёрной лопаткой. Учил «салаг» (молодых курсантов, будущих офицеров-десантников), обходиться без еды и терпеть жажду. Лазить по горам и не спать по двое суток кряду. Прыгать с парашютом и терпеть боль...

Для него, бывшего детдомовца, армия стала родной. А вот друзей у Николая не было. Были товарищи по службе и почти со всеми у него прекрасные, ровные отношения. А вот настоящего друга не было.

...После трёх лет своей инструкторской, преподавательской деятельности, он получил звание старшего лейтенанта и начальство, наконец, удовлетворило его просьбу о переводе в Афганистан. Там Николай попал в ДШБ (десантно-штурмовой батальон), на должность командира отделения. Попал на передовую, где было много потерь и раненных...

Они были тем тяжелее, что терять приходилось друзей, с которыми не раз делился армейской пайкой или последним

глотком воды. Николай считал, что именно здесь его место. В отряде, который физически устраняет врага. На его счету уже был успешный перехват каравана с оружием и два уничтоженных каравана с наркотиками...

Было и ранение, которое подарило ему друга.

...За этот локальный «успех», десантники платили своими юными жизнями. Жестокая война не щадила никого.

Но в «статистику», эти потери укладывались...

Однажды, старлей Ребко, получил приказ, сопроводить в Ташкент гроб с телом, погибшего в бою товарища, которого отправляли на Родину «грузом двести» (покойником). Вот и подслушал, случайно, Николай, как в штабе, вышестоящим начальством обсуждалось какую награду дать погибшему десантнику посмертно...

Орден «Красной звезды» или «Красного знамени»? Или медаль «За отвагу»?

Обсуждалось равнодушно-обыденно... Привычно.

Тогда Николай, для которого гибель боевого товарища, была несоизмерима с любой, самой высокой, гораздо выше, чем звание «Героя Советского Союза», наградой, с трудом воздержался, чтобы не высказать своё негативное мнение вышестоящему начальству. Для него это была не первая боль невосполнимой утраты, которую принесла Афганская война...

Но только тогда, когда привёз тело своего товарища – десантника в Ташкент, к его родителям в «военный городок», когда услышал душераздирающий крик матери и тихо-сдавленные рыдания отца. Когда увидел, как падает в обморок

сестрёнка погибшего, тогда и понял Николай, – никакие награды в мире, никакие интересы никакого социализма, никакая, пусть даже самая справедливая война в мире, не стоят горьких слёз и горя родных. Война убивала и за много километров от зоны боевых действий, дотягиваясь своей костлявой рукой, до родных и близких убитых на войне...

И он, снова возвращался в Афганистан, чтобы мстить за смерть друзей и горе их родственников.

Отцов и матерей.

Для Николая, война была нормой жизни. Здесь он «нашёл себя». В случае его гибели, горевать по нему было некому.

Он был один. Ни родных, ни близких...

Он был офицером и патриотом.

Коля любил свою Родину СССР. Она воспитала его, дала в жизни всё, что у него было...

Егор

Егор Строев, чуть выше среднего роста, русоволосый, крепкий, жизнерадостный, худощавый парень, с отличием окончил медицинское военное училище и получил звание лейтенанта. Захотев иметь необходимый практический опыт, он отказался от, предложенной отцом, дальнейшей учёбы и отправился служить. Так сказать, отверг предложение отца, который имел заслуженный, общепризнанный авторитет, как военный хирург.

Хотел сам, без протекции построить свою карьеру...

По распределению попал служить на Курильские острова. К его сожалению работы, а именно, практики хирурга, было не много. Инфекционных больных хватало, а по его хирургической деятельности почти ничего не было. Так, занозы да переломы у военнослужащих...

Тягуче – долго прошли три года службы. Умер его отец, далеко не последний человек в области военной медицины. Получив звание старшего лейтенанта и выслугу лет «один к двум» (год за два), Егор подал рапорт, с просьбой о переводе в группу советских войск в Афганистане. Уж очень хотелось офицеру-медику, принести как можно больше пользы, горячо любимой Родине.

Военный врач, полковник-хирург, хорошо знавший и уважавший его отца, предложил место в военном госпитале Ка-

була.

... – Работы у нас хватает, поработаете, наберётесь опыта... – уговаривал он Егора.

Но полный боевого задора старший лейтенант медицинской службы Строев, наотрез отказался от заманчивой перспективы.

– Спасибо Вам большое, – поблагодарил Егор седого врача-полковника. – Но я хочу в полевой госпиталь. Считаю, что там, в состоянии принести больше пользы, да и практика в полевых условиях, даёт более обширный опыт. – Сказал Егор, желавший «понюхать пороху».

– Ну, что ж, – не стал настаивать полковник – я, конечно, приветствую ваше решение, но помните, что моё предложение для вас всегда остаётся в силе. Передумаете – милости прошу!

...Вот так и отклонил заманчивую перспективу Егор, который и представить не мог, какие испытания ждут его в военно-полевом госпитале.

Уж очень захотелось ему «военной романтики»...

Слава

Славик страдал от «ломки». Его колотило так, что он слышал стук собственных зубов.

– Если достать всего тридцать рублей! Хватило бы на расчёт за предыдущую «дозу», взятую в долг и на новую инъекцию. – Громко проговорил Славка.

Пустая трёхкомнатная квартира ответила пугающим эхом пустого помещения. Мебели в квартире почти не оставалось.

Все бросили Славика. Постепенно исчезла Таня. Она появлялась всё реже и реже, пропорционально убыванию дорогостоящих вещей и аппаратуры из квартиры родителей Славы...

Его «предки» (родители) вкалывали за «кордоном» (за границей), стараясь не упустить шанс заработать и обеспечить себя и своё чадо на всю оставшуюся жизнь. Рискуя подцепить тропические болезни, они уже второй год работали в жарком, влажном климате, мало приспособленном для жизни европейца. За это время родители Славы смогли, неплохо обставить квартиру и скопить приличную сумму денег в банке. Всё для него, для сынульки. Регулярные переводы, призванные обеспечить безбедное проживание и успешную учёбу Славика, приходили без задержки каждый месяц. До поры до времени их с лихвой хватало...

Это было в то не давнее-далёкое время, когда он ещё не

был наркозависимым. В том времени, в той счастливой жизни, его окружали институтские товарищи.

...Вспомнились Славке шумные, задорные, искромётно-весёлые вечеринки и «капустники», на которых он с сокурсниками и сокурсницами, веселился и радовался жизни не от выпитого в небольших количествах вина, а от молодости. Им, молодым советским людям, хотелось сделать что-то нужное, важное. Принести пользу всем людям, на всей планете! Оставить яркий след в истории человечества...

Все это было.

Всё это было у него всего-то несколько месяцев назад. Было всё, кроме наркотиков. Куда девались надежды и стремления? Когда он успел докатиться до предела? Когда, вместо молодой жизненной силы, вместо каждодневной радости жизнью, вошло неестественно-лихорадочное возбуждение от приёма наркотика? Почему столь не ярок и нерадостен мир, без «кайфа»?

И всё из-за «ширева» (уколов наркотиком). Это оно сожрало его мозг, похоронило мечты, подавило волю.

– «Может закончить всё одним махом? Просто сбежать от этой, подлой, паскудно-противной, обезличенной жизни!» – Думал Славик, валяясь в уличной одежде (хотя и на улице уж почти не выходил), на незаправленной кровати. Его, длинные, не мытые, не расчёсанные волосы уже свалились, в «кошму», (одеяло из сваленной в ручную шерсти). Худобой своей, он мог «поспорить» с самим Кощеем Бессмертным.

Немытое лицо и давно нечищенные зубы, давно просились, чтобы на их хозяина «натравили» доброго чистюль Мойдодыра из сказки. Наверное, только он и мог заставить «неряху» Славика искупаться и сделал бы из него «ряху». Хотя... и это сомнительно.

Мысли о самоубийстве всё чаще приходили ему в голову. Но...

Но тщетно.

Славик панически боялся боли. Любой, даже не значительной и терпимой. Боялся своей боли. Он не мог уйти из жизни.

Смелости не хватало...

Таня

Танюша рано познала радости любви. Так, сказать, «сранья» получила «аттестат половой зрелости». А вот политически зрелой она, к своим двадцати четырём годам не стала.

Что касается Танюши, то ничего её особо «не касалось». Она была далека от понимания бушующих вокруг неё политических страстей. До «фонаря» была гонка вооружений. Не интересовало экономическое положение Гондураса. Нет, она, конечно, знала, что идет война. «Наши» воюют с этими.... Ну, как их там?.. А, с афганцами. Но это тоже всё «фигня»...

Некоторое время назад она познакомилась с одним человеком, у которого оказалась очень интересная для неё перспектива. Только вчера, как только к нему приехал друг, Таня узнала, что в небольшой комнатке появилось десять килограмм опиума. Друг её знакомого, хотел продать всю партию, или хотя бы половину по очень низкой цене. Выхода на барыг горе-наркоторговцы не имели...

И именно по этому, последние сутки, Танюша была занята очень интересным делом. Она готовила план, по которому, после её завершения, она станет состоятельной и независимой. Её новый любовник, это не очередной «лошок» – мажор из обеспеченной семейки, а наоборот – устоявшийся мужчина. Офицер-военврач, только что выведенный из ограничен-

ного контингента Советских войск, в дружественном Афганистане. Ну, настоящий мужик! Хотя и нет у него руки ниже левого локтя. Не то, что окружающие её «додики». Даже познакомился с ней не как плюгавая размазня, а развесёло-лихо, с шутками и задором. Сразу вошёл в её жизнь и расшевелил в молодой, обострённо-эгоистичной душе Тани чувство, похожее на любовь...

Но только похожее.

...Она быстро поняла, что он не против «уколоться». Но в отличие от неё, колющей себе всё, что давало «кайф», предпочитал «классику» – медицинские препараты. Став офицеру необходимо-близкой, она не только всецело заполнила собой его молодую жизнь, но и узнала некоторые тайны, из которых надеялась извлечь существенные выгоды. И хотя ей не хотелось посвящать в свои планы никого, ей всё же пришлось это сделать.

Одна она не справится. Ей срочно нужен Санек. Да и Егору она не хотела ничего плохого. Классный он всё-таки парень! Молодой капитан в отставке. И у него есть то, что нужно ей.

Её материальная независимость...

Егор Строев

Егор с брезгливым неудовольствием вспоминал эту преждевременно закончившуюся для него войну. Было что-то хорошее, но не помнилось. А вот боль, гной и крики раненных солдат и офицеров постоянно напоминали о себе в кошмарно-реальных снах. Напряжение военных дней и бессонных ночей, казалось, могут свести с ума. Но он нашёл для себя выход. Нашёл свою отдушину...

...Однажды он вышел на перекур в госпитальную курилку, где в это время находился после перевязки легко раненный, сержант-десантник, чувствуя себя особенно плохо, «неважнецки», после выпитого накануне с сослуживцами спирта. Тут ещё хирургическая операция с тяжёлым ранением в живот. Раненый десантник, скончался прямо в операционной. Совсем молодой русский парнишка из десантно-штурмового батальона.

Не выдержал.

Отмучился.

Сержант, привёзший своего раненного бойца, был «темнее тучи». Не из-за своего ранения в руку. Ему было тоскливо – плохо, по русски говоря, хреново на душе, от гибели своего друга. Сколько раз они с убитым товарищем делились сухпайком и последним глотком воды! Сколько пережили вместе.

И вот он живой, а погибшего друга повезут домой грузом «200», к убитым горем родителям и младшему братишке.

Сержант не торопливо курил забитый в папиросу гашиш, запах которого разносился далеко за пределы курилки в стоящем от зноя воздухе. Он зло, с остервенением-глубоко затягивался, желая протолкнуть внутрь себя невосполнимую утрату. Егору, как старшему по званию, полагалось сделать хотя-бы замечание...

Но он опустошённо-молча сел возле сержанта и закурил свои сигареты.

– Будешь? – спросил тот, протягивая «косяк», забитый в папиросу «афганки».

Егор до этого никогда не «баловался» наркотиками. Рав-

нодушно-сторонне чурался, тех сослуживцев, которые позволяли время от времени, снимать стресс таким образом. А тут, почему-то безропотно взял папиросу и затянулся.

Закашлялся, и затянулся ещё...

И ещё...

Он не заметил, как ушёл сержант, оставив его одного. Просидел пару часов в курилке с потухшей сигаретой в руке. Приходили и уходили люди, кто-то о чём-то спрашивал. Он не отвечал. Сослуживцы не лезли к нему и, не дожидаясь ответов, уходили. Остановилась жестокая война. Остановилось время. Он на некоторое время заснул. Заснул сидя, прямо в курилке. Проснулся бодрым и отдохнувшим. Со «зверским» аппетитом.

Именно в тот день он впервые по-настоящему пожалел, что отказался, по протекции, от службы в стационарном госпитале Кабула. Ему хотелось хлебнуть трудной романтики военной службы. С радостной гордостью мечталось о той пользе, которую он принесёт. И он действительно, спасал жизни и здоровье людей! Однако вся эта война, с героическими лозунгами и призывами, красивая на картинках и в рассказах, оказалась, просто УЖАСНА. Егор знал теперь точно, что он, сын военного хирурга, боится её...

И вот ТЕБЕ романтика, пропитанная кровавыми бинтами, болью и скорбью, муками и страданием. Криками и стонами раненных бойцов. Смертельными исходами...

НА!..

Жри её столовыми ложками, пей с ведра, пока не захлебнёшься, ешь с солдатской кашей пополам с песком, пей из армейской фляжки тёплую воду с лимонной кислотой, насыпанной для дезинфекции. Запивай весь этот ужас неразведённым спиртом, в надежде, что это поможет не сойти с ума от внутреннего напряжения. Получай, романтик, душевную боль, от страданий раненных с ампутированными конечностями, от смертей ребят, которым не смогла помочь медицина!..

Так, постепенно, после этого случая, Егор пристрастился к анаше, которую уже курил как сигареты. Иногда «баловался» морфинчиком...

Эти моменты, когда Егор «улетал в нирвану», уколовшись наркотиком, были его дезертиством от ужасов войны.

«Романтики» хватало с лихвой...

Саша + Таня

Санёк торопился на свидание, назначенное ему Татьяной. Он ничего толком не понял из короткого телефонного разговора с ней. Понял основное – дело не шуточное. «Кусков» на сто. И хотя, за девять месяцев со Славика «сдоили» тоже не плохо, да и другие дурашлёпы были, он всё равно, услышав о намечающейся «делюге» бросил все дела, и, прыгнув в свою новую машину, «шестёрочку» (ВАЗ-006), помчал на «стрелку». Тут стоит сказать, что дело не в том, что Санёк был жаден. Дело в том, что он был патологически жаден, до самозабвения. Его любовь к денежным знакам не поддавалась никаким описаниям.

Через полчаса после звонка Танечки он уже подходил к назначенному месту встречи. Это было летнее кафе, находившееся в Сквере революции, в центре Ташкента. Как раз напротив памятника – гранитного бюста Карла Маркса. Место было удобным ещё и тем, что в будний день можно было спокойно поговорить о «тёмных» делишках. Весь советский народ «вкалывал» на благо СТРАНЫ. Людей на улицах, в этот утренний час, было мало. Ташкентские куранты пробили одиннадцать часов утра...

В летнем кафе, за выставленным на улицу столиком, лениво-валяжно поглощая сладко вкусное мороженое маленькой пластмассовой ложечкой, ждала Таня...

Выразительно-бесстыжие, накрашенные глазки Танечки, лениво-бесстрастно осматривали посетителей летнего кафе. Маленькие красно-помадовые губки её, открывались только в двух случаях: когда надо было закинуть порцию мороженого, или сказать «нет» очередному желающему подсесть за её столик. Она с недовольством осматривала контингент, присутствующий в кафетерии...

Кофе, здесь не подавали. Не ресторан.

...Низкие цены на мороженое, напитки, лимонады и шампанское, предопределяло состав отдыхающих. Сидело несколько студентов. Её столик, стоял несколько отдельно от остальных, почти с боку, от здания кафетерия.

Но вот фигурка её оживилась. Она увидела Сашу, приближающегося к ней через тенистый скверик. К ней на встречу, шел крепкий парнишка, двадцати трёх лет. Он был одет в лёгкий джинсовый костюм, рублей за пятьсот, и фирменные кроссовки. На лице солнцезащитные очки, «под Леннона». Как и обещал, появился ровно через полчаса. Он не опаздывал...

Он вообще никогда не опаздывал.

– Привет, тебе, распрекрасная красавица, не соскучилась? – Весело-игриво, поприветствовал Саша, присаживаясь за её столик. Он с удовольствием заметил, что некоторые парни с завистью смотрят в их сторону.

– Это что ещё за «тайны мадридского двора» на задворках жизни? – Спросил он её, имея в виду короткий телефонный разговор между ним и Татьяной, состоявшийся пол часа назад...

Танюша откинулась на спинку стула и, жеманно, не спеша, поправила причёску. Она знала какой эффект оказывает

на окружающих и чувствовала себя сродни королеве. Ну, на худой конец – принцессе.

– Приветик Санёчек, скучать не дают, желающих составить компанию много, – лукаво сказала она и посмотрела на него чистым, ясным, кайфовым взглядом.

– Ну, ещё – бы, такой девчонке! – поддержал он, чутко улавливая улетное настроение Тани. – Но ты ведь не похвастаться пригласила? Дело есть?

– Есть, конечно, дорогуша, – и она, отправив в рот очередную порцию мороженого, как бы невзначай добавила: – дело «штук на сто» рублей.

– А что мелочиться, – пошутил Санёк – давай, схожу в буфет и принесу целый лимон, только скажу, чтобы порезали на тарелочке. – Говоря это, он уже понимал, что дело, похоже, очень крутое. Сразу забилося барабанной дробью сердечко, но, ни один мускул на лице не выдал захлестнувшее его волнение. Таня молчала, как актёр в театре, вынужденный выдержать паузу для усиления выражения.

– Что, действительно «делюга» на столыник? А чё, сама не отработаешь? Что, поделиться невтерпез? – спросил он, даже не представляя себе сто тысяч наличных советских рублей. – Это что же за такие бабки надо сделать? Горбачёва грохнуть?

– Я тебя, Санечка потому и позвала, чтобы никто никого не «грохал». Подумай сам, если бы я могла сама такое дело поднять, на фи́га ты мне был нужен?

– Танюха, дело-то хоть верное? – Спросил Санёк, трусость которого, могла сравниться, только с его жадностью.

– Не сомневайся, Санёчек, вернее не бывает. Моё условие только одно – равная с тобой доля и чтоб без проволочек и «крысятничества».

– Да ты чё, подруга, разве меня не знаешь... – Попытался перебить её Сашка.

– Знаю, поэтому и предупреждаю... – Аккуратно отложив ложечку для мороженого на пластиковую крышку стола, сказала Таня, и добавила:

– Сразу предупреждаю, без меня ничего не будет. Как только отработаем «делюгу»... – и она пристально посмотрев в глаза Саньку, закончила фразу тихо и чётко, выговаривая каждое слово, – сразу хочу пятьдесят штук в руки, и твой «полтинник» будет.

Санёк тоже смотрел ей прямо в глаза, и она со злорадным удовольствием увидела, как расширились от удивления его серо-стальные глаза, скрываемые импортными, солнцезащитными очками и уверенно-снисходительное выражение его лица сменилось растерянностью.

– С этого момента, душа моя, давай-ка подробней, – сказал Саша, чувствуя, несмотря на жаркий день, холодок под сердцем.

Санёк доверял Танюше. Она его не подводила.

Но, если бы он знал дальнейшее развитие событий...

Если бы он знал...

Ранение Егора

Военные действия на войне закончились для старшего лейтенанта Строева в одночасье. Он вёз раненых в госпиталь, сидя в кабине «Урала» рядом с солдатом-водителем. Ничего не предвещало беды. Да и ехали в глубоком тылу, на, казалось бы, полностью подконтрольной территории. Но в партизанской войне не может быть понятия «тыл». И взрыв противотанковой мины, под машиной с ранеными солдатами, страшным эхом отдался в сердцах их родных и близких, за сотни и тысячи километров от места их гибели. Постепенно затихло горное эхо, передавшее десятки раз звук взрыва... Взрыва на подконтрольной территории.

...Он очнулся в госпитале, одним из немногих оставшихся в живых, после подрыва санитарной машины.левой руки ниже локтя, уже не было. Отрезали её товарищи хирурги из его госпиталя, аккуратно. Под протез...

Началось долгое лечение в окружном госпитале Ташкента. Несколько операций по удалению многочисленных осколков из тела и ног, курс реабилитации. И вот он комиссован из армии, получив напоследок: – внеочередное звание – капитана и медальку-награду. Как то сразу стал никому не нужен и никчѐмен. Исчезла сопричастность к великому, справедливому делу. В двадцать пять лет, он инвалид, капитан запаса, герой афганской войны – никому нахрен не нужен! Небольшая пенсия гарантирует, бедно – скромное проживание, героя, воина-интернационалиста. Она даёт очень большие шансы на выживание. И протез, положенный ему «по закону», обещали. Как только «рак на горе свиснет». Или,

давай взятку и тогда, получишь через недельку-другую.

Вместо положенной по закону однокомнатной квартиры дали комнату в общежитии для Афганцев. Хорошую, светлую комнату, три на четыре метра. Даже балкончика, чтобы выйти покурить, нет. Нет телевизора, в ежедневном рационе – макароны. В летние дни, комнатка на втором этаже двухэтажного барака, нагревается, до «банной» температуры...

А он СЧАСТЛИВ!

Счастлив тем, что дышит. Тем, что почти не заметны шрамы на ногах и теле от многочисленных осколочных ранений.

Счастлив, что есть солнце, облака, звёзды, птицы.

Счастлив, что остался жив, тем, что ушёл от ужасов войны, на которой ему не место.

Он перестал принимать наркотики. Но...

Появилась Таня.

...Теперь у него есть Таня. Егор не ожидал, что очередная интрижка заставит расцвести его сердце пышным цветком любви. Милая, чистая, добрая – вот далеко не все эпитеты, которыми он награждал её...

Любовь слепа.

...Егор свято верил во взаимность чувств и надеялся, в скором времени они поженятся, и она тоже прекратит принимать наркотики...

Он сам почти «завязал». Ну, так, только изредка, иногда, когда Таня принесёт «дозу», «за компанию».

...Тогда ничего не помешает их безоблачно-счастливому

будущему. Ну и пусть, что нет половины левой руки! Всё остальное на месте и функционирует прекрасно! Только денег нет. Но есть ЛЮБОВЬ. Большая, все объемлющая, все побеждающая ЛЮБОВЬ. Его ЛЮбовь к Танечке.

...Вот только поможет своему боевому другу Кольке, продать десять, или даже может быть, все двадцать кило «ханки» – опиума и, получив свою долю от продажи, уедут они с Танюшкой на Чёрное море...

Главное, что она согласна.

А Коля, конечно, будет навещать их и их детей, которых обязательно будет много!..

Только один раз. Один единственный раз, Егор преступит закон...

Первый и последний раз.

Так и думал комиссованный из армии по ранению, бывший военврач-хирург, бывший офицер «афганец», кандидат в члены КПСС, Егор Строев.

Теперь он был бесправным инвалидом, над которым «по тихому» могли позволить себе поиздеваться советские «чинуши».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.